

**Экспертное заключение
заведующего кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
профессора В. А. Томсинова**

Передо мною были поставлены вопросы: о правопреемстве СССР относительно предшествовавших ему государств — Российской Республики 1917 года и Российской империи, об исторических обстоятельствах и правовых основаниях перехода права собственности на имущество Российской империи, находившееся за рубежом, к СССР.

Данный вопрос является одновременно историко-правовым и международно-правовым вопросом. Я тридцать лет занимаюсь юридической историей России и СССР и в том числе проблемами истории внешней политики Российской империи и СССР, правопреемства и имею множество публикаций по этим темам. Я хорошо понимаю сущность своих обязанностей в качестве эксперта и в частности, необходимость объективно, невзирая на какие обстоятельства, ответить на заданные вопросы.

В «Ответных Апелляционных резюмирующих заключениях» РПРА делается вывод о том, что «договор от 9 января 1909 г. не был передан Российской Федерации напрямую, поскольку между Российской Империей и СССР произошел исторический и юридический разрыв. Из этого следует, что преемственности Российской Федерации в правах и обязательствах Российской империи не существует, поскольку СССР никогда не приобретал прав и обязательств Российской империи. В результате, поскольку Российская Федерация не приобрела больше прав, чем те, которые принадлежали СССР, Российская Федерация никогда не становилась ни собственником, ни арендодателем Русского православного собора в Ницце (Il en résulte que la succession par la Fédération de Russie dans les droits et obligations de l'Empire Russe n'a pas été réalisée, puisque l'U.R.S.S. n'est jamais venue dans les droits et obligations de l'Empire Russe. Il en résulte que la la Fédération de Russie n'a pu acquérir plus de droits que ceux que détenaient l'U.R.S.S., l'intimé n'est jamais devenu ni propriétaire, ni bailleur, de la cathédrale orthodoxe russe de Nice)»¹.

Сохранившиеся документы и известные факты из истории взаимоотношений Советской России и СССР с Францией в 20-е годы XX века позволяют мне

¹ Conclusions d'appel en réponse récapitulatives pour l'Association culturelle orthodoxe Russe. P. 65

оценить данный вывод как **не имеющий достаточных юридических и исторических оснований**.

В обоснование вывода об отсутствии правопреемственности СССР в отношении Российской империи «Апелляционное заключение» РПРА ссылается на мнения и заключения профессора Андрея Зубова, профессора Ольги Зименковой и на справку по проблеме континуитета заместителя начальника Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации З. Б. Нигматуллина, датированную 10 января 2007 года.

Замечу для начала, что все эти люди связаны с Российским государством намного более тесно, нежели я: они служат в учебном заведении (МГИМО) при МИДе и в Аппарате Совета Федерации Федерального Собрания, в то время как я работаю преподавателем Московского государственного университета, обладающего автономией. Тем не менее РПРА не обвиняет их в предвзятости, тогда как меня обвиняет, пороча мою честь и достоинство как специалиста, только на том основании, что я работаю в Московском государственном университете Российской Федерации.

В «Апелляционных заключениях» РПРА приводится следующее высказывание проф. А. Зубова: *«Большевики всегда категорически отвергали преемственность, континуитет с исторической Россией, объявляя, что СССР является новым государством, которое возникло “на руинах старого мира”»*. Составители «Апелляционных заключений» для РПРА не обратили внимания на то, что в данном случае говорится об **идеологической и исторической** преемственности, но не о **юридической**. Понятия «преемственность (правопреемство)» и «континуитет» являются в международном праве разными и взаимоисключающими друг друга понятиями, во фразе же А. Зубова они употребляются как синонимы. И это неудивительно: профессор Андрей Борисович Зубов (род. В 1952 г.) является **историком** по специальности, доктором **исторических** наук, профессором кафедры философии МГИМО. В своих работах он ссылается на мои труды², но я по основной профессии являюсь юристом — доктором **юридических** наук и занимаюсь **правом и правовыми** проблемами истории России и СССР. Большевики действительно отрицали свою идеологическую и историческую преемственность с Российской империи (хотя такая преемственность в определенной степени существовала), но вполне признавали преемственность юридическую.

² См., например: Зубов А. Б. Размышления над причинами революции в России // журнал «Новый мир». 2006. № 7. С. 126, 131, 132, 136 и др.

Кандидат юридических наук, доцент (по званию), профессор (по должности) кафедры международного частного и гражданского права Ольга Николаевна Зименкова специализируется по темам «Охрана прав потребителей в капиталистических странах» и «Международный коммерческий арбитраж»³. Вероятно, по этой причине приведенный в своем заключении вывод об отсутствии правопреемства СССР относительно Российской империи она дословно заимствовала из справки по проблеме континуитета вышеупомянутого З. Б. Нигматуллина и допустила грубейшие ошибки при попытке обосновать якобы имевший место отказ СССР от этого правопреемства.

Так, в справке заместителя начальника Правового управления Аппарата СФ Федерального Собрания РФ З. Б. Нигматуллина, составленной 10 января 2007 года, пишется следующее: «Если факт правопреемства России в отношении прав и обязательств СССР является, в принципе, установленным, так как имеет под собой должную международно-правовую и политическую основу, то наличие отношений правопреемства между современной Россией и Российской Империей не выглядит столь очевидным. На наш взгляд, не существует серьезных аргументов в пользу того, что Российская Федерация является de-jure правопреемником Российской Империи, только на том основании, что последняя формально являлась в свою очередь предшественником СССР. *На протяжении всего своего существования СССР отказывался рассматривать себя в качестве преемника Российской Империи. Как известно, он согласился продолжить участие лишь в некоторых международных договорах, заключенных в свое время Российской Империей. Например, им были признаны обязательства из Гаагских конвенций о законах и обычаях войны 1899 и 1907 годов. В ноте МИД СССР от 7 марта 1955 года относительно Гаагских конвенций и Деклараций 1899 и 1907 годов, направленной Правительству Нидерландов (депозитарию Гаагских конвенций), которое просило сообщить ему о том, считает ли себя СССР связанным данными конвенциями, сообщалось, что “СССР признает ратифицированные Россией Гаагские конвенции и Декларацию 1899 и 1907 годов, в той мере, в какой эти Конвенции и Декларации не противоречат Уставу ООН и если они не были изменены или заменены последующими международными соглашениями, участником которых является СССР”. Многие же обязательства из других международных договоров, заключенных Российской Империей СССР отказался признать»*⁴.

³ См.: http://www.vavt.ru/prep/by_id/Zimenkova

⁴ См.: Справка из СФ по проблеме континуитета. Депутату Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А.Н.САВЕЛЬЕВУ // <http://www.savelev.ru/journal/case/attachment/?caseid=49&id=17>.

О. Н. Зименкова дословно повторяет приведенный текст справки Нигматуллина, когда пишет (повтор или плагиат выделен подчеркиванием): «На протяжении всего своего существования СССР отрицал свое правопреемство в отношении Российской Империи. Как известно, он согласился продолжить участие лишь в некоторых международных договорах, заключенных в свое время Российской Империей. Например, им были признаны обязательства из Гаагских конвенций о законах и обычаях войны 1899 и 1907 годов. В ноте МИД СССР от 7 марта 1955 года относительно Гаагских конвенций и Деклараций 1899 и 1907 годов, направленной Правительству Нидерландов (депозитарию Гаагских конвенций), которое просило сообщить ему о том, считает ли себя СССР связанным данными конвенциями, сообщалось, что “СССР признает ратифицированные Россией Гаагские конвенции и Декларацию 1899 и 1907 годов, в той мере, в какой эти Конвенции и Декларации не противоречат Уставу ООН и если они не были изменены или заменены последующими международными соглашениями, участником которых является СССР”. Многие же обязательства из других международных договоров, заключенных Российской Империей СССР отказался признать. Декретом о мире от 26 октября 1917 года отменялось содержание тайных договоров. 26 августа 1918 года был издан Декрет Совета народных комиссаров о прекращении всех договоров с рядом государств, Декретом от 21 января 1918 года были аннулированы государственные займы, в том числе «безусловно и без всяких исключений все иностранные займы»⁵.

Заметим сначала, что документ, который О. Н. Зименкова называет «Декретом Совета народных комиссаров о прекращении всех договоров с рядом государств», приводя его в доказательство отказа СССР от правопреемства в отношении Российской империи, в действительности назывался **«Декретом Совета Народных Комиссаров от отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами: Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцегств Гессена, Ольденбурга и Сакен-Мейнингена и города Любека»**. И датируется он не 26 августа, а 29 августа 1918 г.⁶ Если бы О. Н. Зименкова прочитала текст этого Декрета, то поняла бы, что объявленный в нем отказ от договоров, заключенных Российской империи совсем не свидетельствует об

⁵ Заключение кандидата юридических наук, профессора кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университет) (МГИМО-Университет) МИД России Зименковой Ольги Николаевны. С. 7 (русский текст).

⁶ См. его текст в издании: Документы внешней политики СССР. Том 1. М., 1959. С. 458–460.

отказе Советского государства соблюдать ее обязательства, но продиктован существенным изменением условий, а значит вполне обоснован. Советское правительство отказалось от некоторых договоров (они перечисляются в Декрете), «заключенных ранее правительством бывшей Российской империи с Германской империей и государствами, в ее состав входящими», а также с Австро-Венгрией (то есть с державами, с которыми Россия вместе с Францией находилась в состоянии войны), «ввиду противоречия их внутреннему строю России, созданному революцией и переходом власти в руки пролетариата»⁷. Кроме того, согласно статье 3 указанного Декрета отменялись **«все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, в виду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство»**⁸.

Вывод З. Б. Нигматуллина и О. Н. Зименковой о том, что *«на протяжении всего своего существования СССР отказывался рассматривать себя в качестве преемника Российской Империи»*, не доказывает и Декрет о мире от 26 октября 1917 года. В нем действительно говорилось: «Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет, безусловно, и немедленно отмененным»⁹. Но в данном случае договоры отменялись по той причине, что они были утаены от мирового сообщества, не были опубликованы в установленном для таких актов порядке, но не потому что Советское государство отказывалось от соблюдения обязательств Российской империи.

Документ, который О. Н. Зименкова называет *«Декретом от 21 января 1918 года»*, был издан на самом деле 28 января (10 февраля) 1918 года и назывался он «Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета

⁷ Там же. С. 459–460.

⁸ Там же. С. 460.

⁹ Декреты Советской власти. Том 1. М., 1957. С. 15.

Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов об аннулировании государственных займов». В нем заявлялось:

«1. Все государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии, перечисленные в особо публикуемом списке, аннулируются (уничтожаются) с 1 декабря 1917 г. Декабрьские купоны названных займов оплате не подлежат.

2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений.

3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы»¹⁰.

З. Б. Нигматуллин и О. Н. Зименкова не учитывают, что указанные ими Декреты являлись в первую очередь **идеологическими, пропагандистскими** документами, принятыми в то время, когда большевики еще только начинали утверждаться во власти над Россией. В начале 20-х годов ситуация коренным образом изменилась: большевики утвердились в качестве властителей, победив в гражданской войне, и теперь ставили перед собой задачу спасения экономики страны и налаживания мирной жизни и соответственно мирных, торговых отношений с другими государствами. По этой причине и действие Декрета об аннулировании государственных займов от 28 января 1918 года было приостановлено в отношении государств, вступивших с Правительством СССР в переговоры об официальном его признании и проявивших уважение к перешедшим к СССР от Российской империи правам на имущество, находившееся на их территории. В круг таких государств входила и Франция.

Заявляя о том, что *«на протяжении всего своего существования СССР отказывался рассматривать себя в качестве преемника Российской Империи»* З. Б. Нигматуллин и О. Н. Зименкова, совершенно не принимают во внимание или вообще не знают о существовании двух документов, юридически оформивших признание Французским и Советским правительствами правопреемства СССР в отношении Российской империи и Российской республики 1917 года. Между тем эти документы, датированные 28-м октября 1924 года, опубликованы в седьмом томе сборника «Документы внешней политики СССР». Первый из них имеет форму «Ноты Председателя Совета Министров и Министра иностранных дел Франции Эдуарда Эррио (Edouard Herriot) Председателю Совета Народных Комиссаров СССР А. И. Рыкову и Народному Комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину». В ней говорится:

¹⁰ Декреты Советской власти. Том 1. М., 1957. С. 386.

«В развитие министерской декларации от 17 июня 1924 г. и Вашего сообщения от 19 июля с.г., Правительство Республики, верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, признает de jure, начиная с настоящего дня, **Правительство Союза Советских Социалистических Республик, как Правительство территорий бывшей Российской империи, где его власть признана населением, и как преемника на этих территориях предшествующих Российских Правительств.** Оно готово поэтому установить теперь же регулярные дипломатические сношения с Правительством Союза путем взаимного обмена послами. Нотифицируя вам это признание, которое не может нарушить ни одного из обязательств и договоров, принятых и подписанных Францией, Правительство Республики хочет верить в возможность достижения совместного соглашения между двумя нашими странами, вступлением к которому является восстановление дипломатических сношений. Ввиду этого оно особо оговаривает права французских граждан, основанные на обязательствах, принятых Россией или ее подданными при предшествующих режимах, соблюдение которых гарантировано общими принципами права, остающимися для нас основой международной жизни. Те же оговорки относятся к обязательствам, которые Россия взяла на себя начиная с 1914 г. по отношению к Французскому государству и его подданным»¹¹.

В ответ на эту ноту Центральный Исполнительный Комитет СССР направил Председателю Совета министров и Министру иностранных дел Франции Эдуарду Эррио (Edouard Herriot) следующую телеграмму:

«Всемерно приветствуя предложение Французского Правительства о полном восстановлении нормальных дипломатических сношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Францией, с взаимным обменом послами, и о безотлагательном открытии переговоров, имеющих целью установление дружественных отношений между народами Союза ССР и Франции, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР выражает уверенность в том, что по всем вопросам, упомянутым в телеграмме Председателя Совета Министров Французской Республики от сегодняшнего дня, может быть достигнуто соглашение между обоими государствами к величайшей выгоде для народов Союза ССР и Франции при наличии доброй воли с обеих сторон и безусловного уважения к их взаимным интересам. Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик придает серьезнейшее значение устранению всех недоразумений между Союзом ССР и Францией и заключению между ними общего соглашения, которое может послужить прочной основы для

¹¹ Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 514–515.

дружественных отношений, руководствуясь при этом постоянным стремлением Союза ССР к действительному обеспечению всеобщего мира в интересах трудящихся масс всех стран и к дружбе со всеми народами. В частности, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР подчеркивает огромную выгоду для обеих сторон от создания между ними тесных и прочных экономических отношений, содействующих развитию их производительных сил и торговле между ними»¹². Данная телеграмма была подписана Председателем Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калининым, Председателем Совета Народных Комиссаров А. И. Рыковым и Народным Комиссаром по иностранным делам Г. В. Чичериным. Текст приведенного ответа был одобрен II сессией ЦИК СССР. В резолюции, принятой 28 октября 1924 года, говорилось: «Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР на II сессии 2-го созыва, заслушав сообщение Народного Комиссара по иностранным делам т. [оварища] Чичерина о полученном извещении от Французского Правительства о признании Францией Правительства Союза ССР де-юре, постановляет: отправить Французскому Правительству следующий ответ от имени Центрального исполнительного Комитета Союза ССР»¹³.

Возникает закономерный вопрос, какое влияние имели эти документы на статус имущества бывшей Российской империи, находившегося на территории Франции?

Заметим сначала, что в Ноте Председателя Совета Министров и Министра иностранных дел Франции Эррио содержалось заверение в том, что *«все меры для ограждения интересов России во Франции или уже приняты, или будут приняты»*¹⁴.

Практика международных отношений XX века показывает, что европейские страны, как правило, уважительно относились к праву собственности другого государства на имущество, находившееся на их территории. И старались не нарушать права государственной собственности даже в тех случаях, когда его субъект менялся. В этом случае и при отсутствии специальных юридических актов, закрепляющих правопреемство нового государства в отношении существовавшего на его территории прежнего государства, правительства европейских стран молчаливо признавали такое правопреемство и обеспечивали сохранность имущества чужого государства. И это неудивительно: международное право

¹² Там же. С. 516.

¹³ Собрание законов СССР. 1924. № 19. С. 256–257.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 515.

покоится на взаимности не только блага, но и вреда. Государства, на территории которых нарушаются имущественные права другого государства, не могут рассчитывать или надеяться на то, что их имущественные права будут в свою очередь соблюдаться на территории этого государства.

На это не могла, например, надеяться фашистская Германия, власти которой после объявления войны Советскому Союзу конфисковали все находившиеся на германской территории имущества и авуары СССР.

У Франции было много имущественных интересов на территории бывшей Российской империи, замещенной в 1917 году государством Российская республика, а в 1922 году государством СССР. И мудрое Французское правительство не могло своими действиями давать повода для нарушения этих интересов.

Здесь следует отметить также, что никто во Франции не отменял действия принципа священности и неприкосновенности собственности, выраженного в одном из самых великих документов мировой истории, которым, безусловно, является Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года¹⁵. Во Франции продолжал действовать принятый в 1804 году Code Civil, который справедливо заслужил название «конституции собственности (Constitution de la propriété).

По этим причинам Французское правительство предельно уважительно отнеслось к перешедшему к СССР от Российской империи праву собственности на имущество, находившееся на территории Франции. Так, в конце 1920 г. в Бизерте — на территории, подвластной Французскому правительству, оказалась целая эскадра судов, принадлежавших когда-то Российской империи¹⁶. 16 марта 1923 года, то есть за полтора года до официального признания Францией правопреемства СССР в отношении Российской империи, Председатель Совета Министров и Министр иностранных дел Франции Раймонд Пуанкаре дал Наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину телеграмму, в которой заверил Советское правительство: «Укрывшаяся в Бизерте эскадра является собственностью Российского государства; как только в России будет формально признанное правительство, оно сможет получить ее»¹⁷. Сменивший Пуанкаре на его постах Эдуард Эррио (Edouard Herriot) во время своего выступления в палате депутатов

¹⁵ Статья 17 этой Декларации гласит: «La propriété étant un droit inviolable et sacré, nul ne peut en être privé, si ce n'est lorsque la nécessité publique, légalement constatée, l'exige évidemment, et sous la condition d'une juste et préalable indemnité».

¹⁶ Перечень этих судов приводится в документе, опубликованном в издании: Документы внешней политики СССР. Том 6. М., 1962. С. 363–364.

¹⁷ Документы внешней политики СССР. Том 6. М., 1962. С. 221.

18 ноября 1924 года подтвердил статус данного имущества и намерение Французского правительства передать его СССР.¹⁸

Приведенный случай не единственный — можно привести и другие примеры **уважительного** отношения Французского правительства к перешедшему к СССР от Российской империи праву собственности на имущество, находившееся на территории Франции. Подобные примеры показывают, что право собственности СССР на перешедшее к нему от Российской империи имущество, находившееся на французской территории, признавалось Французским правительством **еще до официального признания правопреемства СССР** по отношению к Российской империи и **независимо** от акта данного признания. С официальным признанием Францией правопреемства Советского государства относительно предшествовавших ему государств связывалось возникновение **не права собственности СССР** на указанное имущество — оно признавалось без специальных актов, но лишь **права получить его и распорядиться им по своему усмотрению**. Так, признавая право собственности СССР на суда, находящиеся на подвластной Французскому правительству территории, глава этого правительства Пуанкаре связывал возможность СССР получить их в свое распоряжение с официальным признанием Францией Советского правительства.

Тем не менее, юридический акт признания Францией правопреемства СССР в отношении Российской империи считался дополнительной, более прочной гарантией неприкосновенности имущественных прав Советского государства на французской территории. В архиве МИД РФ сохранился документ, датированный 7 декабря 1924 года и представляющий собой сообщение Полномочного представителя СССР во Франции Леонида Борисовича Красина Народному Комиссару иностранных дел СССР Г. В. Чичерину о своей беседе с французским сенатором, председателем Комиссии по русским делам де Монзи, состоявшейся накануне, 6 декабря, в присутствии Первого секретаря представительства СССР во Франции Волина. Во время этой беседы Л. Б. Красин спросил де Монзи: «Не могут ли иметь место секвестры нашего имущества по искам третьих лиц или по претензиям самого правительства?» Согласно его сообщению, «Де Монзи заявил категорически, что всякая опасность для нашего имущества с момента признания СССР правительством Франции абсолютно исключена и никакие секвестры или

¹⁸ См.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 61. См. также: Нота Полномочного Представителя СССР во Франции Председателю Совета Министров и Министру иностранных дел Франции Эррио // Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 578.

конфискации принадлежащего Советскому государству имущества не могут иметь места»¹⁹.

Для охраны имущества Российского государства Правительство Франции создало в 1920 году в Париже Русскую ликвидационную комиссию, которая работала до официального признания Францией правопреемства СССР в отношении Российской империи. В Ноте Полномочного Представительства СССР во Франции Министерству иностранных дел от 12 февраля 1925 года в числе такого имущества назывались парижские отделения шести крупных русских банков, а именно: «1. Русского банка для внешней торговли, 2. Русско-Азиатского банка, 3. Азовско-Донского коммерческого банка, 4. Русского торгово-промышленного банка, 5. Петроградского международного коммерческого банка, 6. Московского объединенного банка»²⁰. При этом пояснялось, что во время войны почти все они являлись корреспондентами Государственного банка и различных министерств по всякого рода финансовым операциям и далее подчеркивалось: «Само собой разумеется, что это были очень крупные операции, намного превышавшие обычные операции мирного времени. Особенно же надо отметить, что согласно прежнему, дореволюционному закону эти капиталы принадлежали Российскому государству»²¹. И далее делался вывод: «таким образом, государство в лице Союза Советских Социалистических Республик должно рассматриваться как имеющее право на все принадлежавшие Государственному банку и Российскому казначейству капиталы, ценности и имущество, которые хранились и управлялись во Франции этими отделениями в качестве депозиторов или уполномоченных государства»²².

При этом деятельность созданной Правительством Франции Русской ликвидационной комиссии высоко оценивалось Представительством СССР. Отметив, что «почти 5 лет Правительство Франции занималось этими делами и ценностями в целях сохранения их в нетронутом виде», Представительство СССР заявляло в своей Ноте от 12 февраля 1925 года Министерству иностранных дел Франции: «Посольство позволяет себе с большим удовлетворением отметить тот факт, что еще задолго до признания Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительством Франции французскими судами высказывалась и неоднократно подтверждалась та точка зрения, согласно которой бывшие правления этих отделений юридически больше не существуют и

¹⁹ Сообщение Полномочного Представителя СССР во Франции о беседе с сенатором де Монзи // Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 569.

²⁰ См.: Нота Полномочного Представительства СССР во Франции Министерству иностранных дел от 12 февраля 1925 года // Документы внешней политики СССР. Том 8. М., 1963. С. 140.

²¹ Там же. С. 140–141.

²² Там же. С. 141.

никоим образом не могут распоряжаться ценностями этих кредитных учреждений. Правительство Союза Советских Социалистических Республик может только приветствовать эти решения. Но именно в соответствии с этими актами правосудия и встает вопрос об административных мерах, которые необходимо принять для охраны интересов государства и граждан Союза Советских Социалистических Республик»²³.

Можно привести множество и других фактов уважительного отношения Французского государства к перешедшим к СССР от Российской империи правам на имущество, находившееся на территории Франции.

Хотелось бы отметить, что стремление Французского правительства соблюдать имущественные права молодого государства под названием СССР на территории Франции объясняется не только укорененностью во французском правовом сознании предельного уважения к праву собственности, благодаря действию Code Civil и принципиальной позиции французских судей в этом вопросе, но стремлением Французского правительства не давать Правительству СССР ни малейшего повода для нарушения французских имущественных прав на территории СССР. Став преемником Российской империи, Советское государство унаследовало не только права, но и обязанности. Среди последних самой значительной являлась обязанность выплаты французским гражданам долга Российской империи, который к моменту возникновения СССР исчислялся огромной по тем временам суммой в 14–15 миллиардов золотых франков. Эта сумма многократно превосходила стоимость имущества Российской империи на территории Франции. Между тем выплата этого долга целиком зависела от усмотрения Советского правительства. Очевидно, что **Французскому государству было в этих условиях в высшей степени выгодно соблюдать имущественные права СССР на территории Франции и, в частности, те из них, которые перешли к Советскому государству по наследству от государства Российской империи**. Именно поэтому господин де Монзи, французский сенатор и председатель Комиссии по русским делам, заверяя Представителя СССР во Франции Л. Б. Красина в том, что «всякая опасность» для имущества СССР, находящегося на территории Франции, «с момента признания СССР правительством Франции абсолютно исключена и никакие секвестры или конфискации принадлежащего Советскому государству имущества не могут иметь места», счел необходимым пояснить советскому дипломату, что интересы торговли с Советским Союзом здесь не имеют для Франции большого значения,

²³ Там же. С. 142.

что торговать, конечно, надо, однако «центр тяжести лежит в переговорах и в урегулировании основных вопросов, как, например, долги и т.д.»²⁴.

Особую остроту проблеме долгов придавало то обстоятельство, что Франция сама была должна довольно большую сумму США. А с другой стороны, СССР совсем не отказывался от выплаты долга Российской империи: Советское государство в полном соответствии со своим статусом преемника Российской империи взяло на себя ее долговые обязательства. Дискуссия с Французским Правительством проходила в данном случае лишь о размере долга, подлежащего выплате со стороны СССР и об условиях этой выплаты. Полномочный Представитель СССР во Франции Л. Б. Красин говорил в своем интервью газете «Известия», опубликованном 16 декабря 1924 года: «Но я хотел бы затронуть один вопрос, которым, очевидно, — я сужу по разговорам, которые я имел с французскими журналистами, — особенно интересуются во Франции. Это вопрос о долгах бывшего царского правительства. В этом вопросе у нас совершенно определенная линия: мы хотели бы разрешить его исключительно с точки зрения будущих советско-французских отношений. Вопрос о долгах является во Франции актуальным не только по отношению к нам. Франция до сих пор не в состоянии уплатить свои долги Соединенным Штатам. Что касается нас, то мы при решении этого вопроса готовы забыть о прошлом (здесь имеется в виду вторжение (интервенция) французских войск на территорию Советского государства и участие их в боях с Красной Армией с декабря 1918 г. по апрель 1919 г. — В. Т.) и хотим надеяться, что столь тяжелого для народов СССР прошлого не будут вспоминать и представители Франции»²⁵.

Надежды Французского Правительства на то, что Правительство СССР выплатит долг французским гражданам были вполне обоснованными. В начале 20-х годов коренным образом изменилась обстановка внутри Советского государства, поскольку произошел переход от политики «военного коммунизма» к так называемой «Новой экономической политике». Соответственно этому произошел коренной поворот и в международной политике СССР.

В речи на Пленуме Московского Совета В. И. Ленин говорил: «От старого мы не должны отказываться. Целый ряд уступок, которые приравнивают нас к державам капиталистическим — этим целым рядом уступок державам мы даем полную возможность вступать в сношения с нами, обеспечиваем их прибыль, может быть, иногда больше, чем их прибыль, обеспечиваем их привычки, не

²⁴ Сообщение Полномочного Представителя СССР во Франции о беседе с сенатором де Монзи // Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 569.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 576.

меня их привычек»²⁶. «Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым. Мы должны работать в обстановке капиталистической, как мы свое существование обеспечим, как мы получим выгоду от наших противников, которые, конечно, будут торговаться, которые торговаться никогда и не разучались и которые будут торговаться за наш счет ... Я бы хотел, чтобы мы отдавали и отдали себе ясный отчет в том, насколько велика пропасть между задачами старой и новой»²⁷.

Народный Комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин говорил на 2-м Всесоюзном совещании уполномоченных НКВТ²⁸ СССР 7 января 1924 года: «Сами основные цели и задачи нашей политики определяются экономическими факторами. Действительно, почему, ради чего мы стремимся к дружественным отношениям со всеми народами, ради чего мы стремимся к установлению отношений со всеми правительствами? Это нам нужно для развития нашего народного хозяйства. Мы не раз определяли нашу политику как производственную политику, она является производственной потому, что развитие нашего производства есть цель, определяющая нашу работу за границей, и потому, что наше производство связано и с производством других стран. Поэтому мы в нашей внешней политике стремимся к таким целям, как разоружение, мирное улажение конфликтов, способствование мирному производству, необходимому и для нас. Это тоже один из принципов, который постепенно входит в общее сознание и который способствует укреплению нашего международного положения. С этой точки зрения экономических задач мы подходим к вопросу, который стоит теперь в порядке дня, к вопросу о признании нас де-юре»²⁹.

Коренной поворот во внешней политике СССР отразил подписанный 18 августа 1924 года Общий договор между СССР и Великобританией. В нем было названо 17 договоров, заключенных с Объединенным королевством Российской империей, которые признавались обеими сторонами, не имеющими юридической силы (ст.2)³⁰; в статьях 3 и 4 указывались двухсторонние и многосторонние договоры, заключенные Российской империей и Великобританией, которые признавались сохранившими действие³¹.

²⁶ Ленин В. И. Речь на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года // Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 2000. С. 570.

²⁷ Там же. С. 571.

²⁸ Наркомат Внешней Торговли.

²⁹ Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 606.

³⁰ См.: Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 610–611.

³¹ См.: Там же. С. 611–612.

В статье 10 Общего договора между СССР и Великобританией говорилось: «Желая восстановить экономическое сотрудничество между обеими странами, Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Его Британского Величества соглашаются в нижеследующем:

Правительство Союза, в изъятие из декретов о национализации промышленных предприятий и земли, вступит в отношении промышленных предприятий и концессий, которые были им национализированы или аннулированы, в переговоры с Британскими подданными (включая юридические лица), дабы договориться о предоставлении справедливой компенсации за таковые претензии»³².

Договор с Великобританией был принят в качестве образца при ведении переговоров СССР с Францией о долгах Российской империи. Об этом свидетельствует протокол № 47 заседания Политбюро, которое состоялось 5 февраля 1925 года. В нем приводится следующее решение:

«П. 2. Вопросы НКВД. А. О Франции (тт. Чичерин, Литвинов, Красин).

Постановили: а) Предложение т. Сокольникова по вопросу о долгах отклонить. Считать необходимым продолжение неофициальных переговоров на основе старой схемы, выработанной по отношению к Англии, т.е. на основе признания госдолгов при условии получения соответствующего займа»³³.

Принимая на себя имущественные права Российской империи, СССР **не отказывался от ее обязательств**. Но лишь пытался привести их к разумному объему, соответствовавшему возможностям молодого государства, разоренного мировой и гражданской войнами, военным вмешательством иностранных держав в российские дела. Об этом свидетельствует, например, письмо Г. В. Чичерина главе делегации Великобритании на Генуэзской конференции, датированное 20 апреля 1922 года. «Сэр, — писал советский Нарком иностранных дел, — Российская делегация тщательно рассмотрела предложения Союзных правительств, изложенные в приложении к протоколу от 15 апреля; в то же время она запросила свое Правительство по этому поводу. Российская делегация продолжает считать, что нынешнее экономическое положение России и обстоятельства, его обусловившие, дают все основания для полного освобождения России от всех ее обязательств, перечисленных в вышеупомянутых предложениях, путем признания ее встречных исков. Тем не менее Российская делегация готова сделать еще один шаг в поисках пути для

³² Там же. С. 621.

³³ Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 60.

урегулирования разногласий и принять пункты 1, 2 и 3а упомянутого приложения, при условии, что:

1) военные долги и просроченные или отсроченные проценты по всем долгам будут аннулированы; 2) России будет оказана достаточная финансовая помощь, дабы дать ей возможность выйти как можно скорее из ее нынешнего экономического положения. Что касается п. 3б, то, с оговоркой о вышеуказанных двух условиях, **Российское Правительство было бы готово вернуть прежним собственникам пользование национализированным или изъятым имуществом** или же там, где это оказалось бы невозможным, удовлетворить справедливые требования прежних собственников либо путем прямого соглашения с ними, либо в соответствии с соглашением, подробности которого будут обсуждены и приняты на настоящей конференции. Иностранная финансовая помощь является безусловно существенной для экономического восстановления России, и, пока не откроются перспективы для такого восстановления, Российская делегация **не видит возможности возложить на свою страну бремя долгов, которые нельзя было бы уплатить»³⁴.**

В тот же день, когда было отправлено приведенное письмо Чичерина Ллойд-Джорджу, Политбюро ЦК РКП (б) своей телеграммой выразило одобрение ему³⁵.

Неспособность СССР, молодого государства с полностью разрушенной войнами экономикой, выплачивать долги Российской империи признавали и Великобритания, и Франция. В статье 6 главы III Общего договора между СССР и Великобританией, заключенного 18 августа 1924 года, говорилось:

«Правительство Его Британского Величества признает, что финансовое и экономическое положение Союза делает невыполнимым полное удовлетворение претензий, упоминаемых в предыдущем абзаце этой статьи»³⁶. В данном абзаце говорилось: «В развитие Декларации, приложенной к Торговому Соглашению от 16-го марта 1921 года, Правительство Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что, в изъятие из Декрета от 28-го января 1918 года (об аннулировании долгов бывших императорского и Временного Правительств), оно удовлетворит при условиях, установленных в настоящем Договоре, претензии Британских держателей займов, подлежащих оплате в иностранной (не русской) валюте, и выпущенных, либо принятых на себя, либо гарантированных бывшим

³⁴ Письмо Заместителя Председателя Советской делегации на Генуэзской конференции главе делегации Великобритании Ллойд-Джорджу от 20 апреля 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Том 5. М., 1961. С. 259–260.

³⁵ См.: Телеграмма Политбюро ЦК РКП (б) Г.В. Чичерину для всех членов делегации РСФСР в Генуе. 25 апреля 1922 г. // Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 2000. С. 535.

³⁶ Документы внешней политики СССР. Том 7. М., 1963. С. 619.

Императорским Российским Правительством или самоуправлениями городов, расположенных на территории, ныне включенной в Союз»³⁷.

Долговые обязательства относительно Франции, перешедшие на СССР от Российской Империи и Российской Республики 1917 года, составляли 14–15 миллиардов золотых франков или 18, 5 миллиардов золотых рублей. При такой сумме долга годовые проценты за пользование им составляли бы около миллиарда золотых рублей³⁸. Французские политические деятели, так же как и британские, признавали неспособность СССР выплатить эту сумму. Так, член Палаты депутатов Французской республики крупный коммерсант Луи Лушер говорил 4 января 1925 года в беседе с Полномочным представителем СССР во Франции Л. Б. Красиным: «Конечно, нелепо было бы требовать от вас признания долга в 14–15 млрд. зол. фр., вы с полным основанием могли бы указать на обесценение франка, что вам уже дает редуцирование всего долга до ¼ его номинальной величины. Далее, вы можете с известным правом указывать на обесценение бумаг на бирже... Насколько мне известны цифры, — продолжал Лушер, — я считаю, что можно было бы помириться на признании всего долга держателям русских бумаг во Франции в 2 млрд. зол. фр. при ежегодной уплате процентов и погашения в 5%, т.е. около 100 млн. фр. золотом»³⁹

Французское и Советское правительства были настроены на компромисс и проблема выплаты долгов Российской империи была всегда близка к благоприятному для обеих сторон разрешению. Но принятию окончательных решений мешала, с одной стороны, нестабильность правительственной власти во Франции, а с другой стороны, необходимость как для Французского Правительства, так и для Правительства СССР считаться с настроениями среди населения. Особенно большое влияние эти настроения имели во Франции, ведь долги Российской империи были в значительной мере долгами в пользу частных лиц — французских граждан, выступавших одновременно в качестве избирателей.

Однако и Правительство СССР вынуждено было учитывать настроения, господствовавшие среди населения страны. 11 января 1925 года Народный Комиссар иностранных дел имел беседу с послом Франции в СССР Эрбеттом по вопросу о долгах. Сообщая о ней, Г. В. Чичерин писал: «Я ему характеризовал настроение наших масс, прошедших через бедствия интервенции и не

³⁷ Там же.

³⁸ Данная цифра была названа в беседе Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Эрбеттом, состоявшейся 11 января 1925 года. См.: Документы внешней политики СССР. Том 8. М., 1963. С. 40.

³⁹ Сообщение о беседе Полномочного Представителя СССР во Франции с членом Палаты депутатов Франции Лушером. 4 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. Том 8. М., 1963. С. 16.

допускающих мысли, что виновники этих бедствий нам ничего не будут платить, а мы будем им платить по царским долгам. Эрбетт сказал, что вполне это понимает и что речь идет о том, чтобы придумать какую-нибудь комбинацию или стратегему⁴⁰, которая бы делала это возможным. Он приехал не для того, чтобы вести с нами дипломатическую борьбу, но для того, чтобы совместно с нами отыскивать способы разрешения стоящих перед нами вопросов. Он приехал не для фехтования, но как друг для выработки соглашения»⁴¹.

О том, что на позицию Правительства СССР при решении вопроса о выплате французских долгов большое влияние оказывали настроения в среде российского крестьянства говорил 14 января в беседе с послом Эрбеттом Председатель ВЦИК М. И. Калинин. Заместитель Наркома иностранных дел Литвинов описал ее содержание Полномочному Представителю России во Франции Л. Б. Красину. По его словам, Калинин рассказал Эрбетту, что в российском крестьянстве «широко распространен взгляд, что Россия оказала ценнейшие услуги Франции и что поэтому долг России не является реальным. В среде крестьянства вернулись десятки тысяч русских солдат, сражавшихся на французском фронте за Францию. Крестьянство поэтому полагает, что оно ни в коем случае не находится в долгу у Франции. Соглашение по вопросу о долгах возможно будет лишь после того, как будет подготовлено соответствующим образом сознание нашего крестьянства и крестьянства французского, имеющего другой взгляд на русский долг. Не надо спешить, надо подходить к вопросу осторожно»⁴².

Таким образом, в течение всех 20-х годов Французское правительство и Правительство СССР пребывали в состоянии сотрудничества, поиска адекватного обстановке решения сложнейших имущественных проблем. Без признания правопреемства СССР в отношении Российской империи ни одна из этих проблем не могла быть разрешена. А вопрос о выплате СССР долга Российской империи в этом случае вообще не мог бы возникнуть. **Постоянное же обсуждение этого вопроса Французским и Советским правительствами является еще одним убедительным свидетельством того, что СССР не отказался от правопреемства в отношении Российской империи, а Франция вполне это правопреемство признавала.**

Таким образом, содержащееся в «Ответных Апелляционных резюмирующих заключениях» РПРА утверждение о том, что «преемственности Российской

⁴⁰ То есть хитрость.

⁴¹ Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Эрбеттом. 11 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. Том 8. М., 1963. С. 40.

⁴² Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции Л. Б. Красину. 17 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. Том 8. М., 1963. С. 68.

Федерации в правах и обязательствах Российской империи не существует, поскольку СССР никогда не приобретал прав и обязательств Российской империи» представляется мне не соответствующим документам, историческим фактам, а следовательно, неверным по существу.

Это означает, в свою очередь, что со сменой Российской империи на Советское государство, выступавшее сначала под названием «Российская Республика», затем «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» и, наконец, «Союз Советских Социалистических Республик», именно к нему, к Советскому государству, перешли имущественные права (так же как и обязательства), принадлежавшие Российской империи, и в том числе права на земельный участок в Ницце, на котором был возведен собор Святого Николая.

14 февраля 2011 года

Заведующий кафедрой истории государства и права
Юридического факультета Московского государственного университета
Имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

В. А. Томсинов